

Москва краснокаменная. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Москва краснокаменная. Михаил Афанасьевич Булгаков

I. УЛИЦА

Жужжит «Аннушка», звонит, трещит, качается. По Кремлевской набережной летит к Храму Христа.

Хорошо у Храма. Какой основательный кус воздуха навис над Москвой-рекой от белых стен до отвратительных бездымных четырех труб, торчащих из Замоскворечья. За Храмом, там, где некогда величественно восседал тяжелый Александр III[1] в сапогах гармоникой, теперь только пустой постамент. Грузный комод, на котором ничего нет и ничего, по-видимому, не предвидится. И над постаментом воздушный столб до самого синего неба.

Гуляй – не хочу.

Зимой массивные ступени, ведущие от памятника, исчезали под снегом, обледеневали. Мальчишки – «„Ява" рассыпная!» – скатывались со снежной горы на салазках и в пробежавшую «Аннушку» швыряли комьями. А летом плиты у Храма, ступени у пьедестала пусты. Маячат две фигуры, спускаются к трамвайной линии. У одной за плечами зеленый горб на ремнях. В горбе – паек. Зимой пол-Москвы с горбами ходили. Горбы за собой на салазках таскали. А теперь – довольно. Пайков гражданских нет. Получай миллионы – вали в магазин. У другой – нет горба. Одет хорошо. Белый крахмал, штаны в полоску. А на голове выгоревший в грозе и буре бархатный околыш. На околыше – золотой знак. Не то молот и лопата, не то серп и грабли, во всяком случае, не серп и молот. Красный спец. Служит не то в ХМУ, не то в ЦУСе. Удачно служит, не нуждается. Каждый день ходит на Тверскую в гигантский магазин Эм-пе-о (в легендарные времена назывался Елисейев) и тычет пальцем в стекло, за которым лежат сокровища:

– Э-э... два фунта...

Приказчик в белом фартуке:

– Слуш...с-с...

И чирк ножом, но не от того куска, в который спец тыкал, что посвежее, а от того, что рядом, где подозрительнее.

– В кассу прошу...

Чек. Барышня бумажку на свет. Не ходят без этого бумажки никак. Кто бы в руки ни взял, первым долгом через нее на солнце. А что на ней искать надо, никто в Москве не ведает. Касса хлопнула, прогремела и съела десять спецовых миллионов. Сдачи: две бумажки по сту.

Одна настоящая с водяными знаками, другая, тоже с водяными знаками, – фальшивая.

В Эмпео-елисейевских зеркальных стеклах – все новые покупатели. Три фунта. Пять фунтов. Икра черная лоснится в банках. Сиги копченые. Пирамиды яблок, апельсинов. К окну какой-то самоистязатель носом прилип, выкатил глаза на люстры-гроздь, на апельсины. Головой крутит. Проспал с 18 по 22 год!

А мимо, по избитым торцам, – велосипедист за велосипедистом. Мотоциклы. Авто. Свистят, каркают, как из пулеметов стреляют. На автоконьяке ездят. В автомобиль его нальешь, пустишь – за автомобилем сизо-голубой удушливый дым столбом.

Летят общипанные, ободранные, развинченные машины. То с портфелями едут, то в шлемах краснозвездных, а то вдруг подпрыгнет на кожаных подушках дама в палантине, в стомиллионной шляпе с Кузнецкого. А рядом, конечно, выгоревший околыш. Нувориш. Нэпман.

Иногда мелькнет бесшумная, сияющая лаком машина. В ней джентльмен иностранного фасона. АРА.

Москва краснокаменная. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Извозчики то вереницей, то в одиночку. Дыхание бури их не коснулось. Они такие, как были в 1822 г., и такие, как будут в 2022-м, если к тому времени не вымрут лошади. С теми, кто торгуется, – наглы, с «лимонными» людьми – угодливы:

– Вас возил, господин!

Обыкновенная совпублика – пестрая, многоликая масса, что носит у московских кондукторш название: граждане (ударение на втором слоге), – ездит в трамваях.

Бог их знает, откуда они берутся, кто их чинит, но их становится все больше и больше. На 14 маршрутах уже скрежещут в Москве. Большею частью – ни статья, ни сесть, ни лечь. Бывает, впрочем, и просторно. Вон «Аннушка» заворачивает под часы у Пречистенских ворот. Внутри кондуктор, кондукторша и трое пассажиров. Трое ожидающих сперва машинально становятся в хвост. Но вдруг хвост рассыпался. Лица становятся озабоченными. Локтями начинают толкать друг друга. Один хватается за левую ручку, другой одновременно за правую. Не входят, а «лезут». Штурмуют пустой вагон. Зачем? Что такое? Явление это уже изучено. Атавизм. Память о тех временах, когда не стояли, а висели. Когда ездили мешки с людьми. Теперь подите повисните! Попробуйте с пятипудовым мешком у Ярославского вокзала сунуться в вагон.

– Граждане, нельзя с вещами.

– Да что вы... маленький узелочек...

– Гражданин! нельзя!!! Как вы понятия не имеете!!

Звонок. Стоп. Выметайтесь.

И:

– Граждане, получайте билеты. Граждане, продвигайтесь вперед.

Граждане продвигаются, граждане получают. Во что попало одеты граждане. Блузы, рубахи, френчи, пиджаки. Больше всего френчей – омерзительного наряда, оставшегося на память о войне. Кепки, фуражки. Куртки кожаные. На ногах большей частью подозрительная стоптанная рвань с кривыми каблуками. Но попадаете уже лак. Советские сокращенные барышни в белых туфлях.

Катит пестрый маскарад в трамвае.

На трамвайных остановках гвалт, гомон. Чревовещательные сиплые альти поют:

– Сиводнишняя «Известия-я»... Патриарха Тихххх-а-аана[2]!.. Эсеры...
«Накану-у-не»... из Берлина только што па-алучена...

Несется трамвай среди говора, гомона, гудков. В центр.

Летит мимо Московской улицы. Вывеска на вывеске. В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего, чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвоз. Цустран. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг. Старо-Рыковский трактир. Воскрес трактир, но твердый знак потерял. Трактир «Спорт». Театр трудящихся. Правильно. Кто трудится, тому надо отдохнуть в театре. Производство «сандаля». Вероятно, сандалий. Обувь дамская, детская и «мальчишковая». Врывсельпромгвиу. Униторг, Мосторг и Главлесторг. Центробумтрест.

И в пестром месиве слов, букв на черном фоне белая фигура – скелет руки к небу тянет. Помоги! Г-о-л-о-д. В терновом венце, в обрамлении косм, смертными тенями покрытое лицо девочки и выгоревшие в голодной пытке глаза. На фотографиях распухшие дети, скелеты взрослых, обтянутые кожей, валяются на земле. Вспомнишь, пред-ста-вишь себе – и день в глазах посереет[3]. Впрочем, кто все время ел, тому непонятно. Бегут нувориши мимо стен, не оглядываются[4]...

До поздней ночи улица шумит. Мальчишки – красные купцы – торгуют. К двум ползут стрелки на огненных круглых часах, а Тверская все дышит, ворочается, выкрикивает. Взвизгивают скрипки в кафе «Куку». Но все тише, реже. Гаснут окна в переулках... Спит Москва после пестрого будня перед красным праздником...

Москва краснокаменная. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
...Ночью спец, укладываясь, Неизвестному Богу молится:

– Ну что тебе стоит? Пошли на завтра ливень. С градом. Ведь идет же где-то град в два фунта. Хоть в полтора.

И мечтает:

– Вот выйдут, вот плакатики вынесут, а сверху как ахнет...

И дождик идет, и порядочный. Из перержавевших водосточных труб хлещет. Но идет-то он в несуразное, никому не нужное время – ночью. А наутро на небе ни пылинки!

И баба бабе у ворот говорит:

– На небе-то, видно, за большевиков стоят...

– Видно, так, милая...

В десять по Тверской прокатывается оглушительный марш. Мимо ослепших витрин, мимо стен, покрытых вылинявшими пятнами красных флагов, в новых гимнастерках с красными, синими, оранжевыми клапанами на груди, с красными шевронами, в шлемах, один к одному, под лязг тарелок, под рев труб рота за ротой идет красная пехота.

С двухцветными эскадронными значками – разномастная кавалерия на рысях. Броневики лезут.

Вечером на бульварах толчея. Александр Сергеевич Пушкин, наклонив голову, внимательно смотрит на гудящий у его ног Тверской бульвар. О чем он думает – никому не известно... Ночью транспаранты горят. Звезды...

...И опять засыпает Москва. На огненных часах три. В тишине по всей Москве каждую четверть часа разносится таинственный нежный перезвон со старой башни, у подножия которой, не угасая всю ночь, горит лампа и стоит бессонный часовой. Каждую четверть часа несется с кремлевских стен перезвон. И спит перед новым буднем улица в невиданном, неслыханном красно-торговом Китай-городе.

1 ...где некогда величественно восседал тяжелый Александр III... – Памятник императору Александру III был сооружен в сквере у храма Христа Спасителя в 1912 г. по проекту академика А. М. Опекушина (1838–1923) и профессора архитектуры А. Н. Померанцева (1848–1918). Разрушен был памятник в 1918 г. по печально известному декрету от 12 апреля 1918 г. о снятии памятников царям и их слугам, подписанному В. И. Лениным, И. В. Сталиным и А. В. Луначарским. Александр III всегда почитался православными людьми как самый великий царь за всю историю России. В высшей степени показательной была дневниковая запись В. В. Розанова 16 октября 1913 г.:

«Александр III в Петропавловском соборе... Венки, знамена. Зажженная лампада. А самого уж нет.

Ужасно.

Нет ли Александра III? Личность его вошла в историю; и дело уплотнило часть „русской истории“ в одном месте, на месте коего (уплотнения) ничто не станет. И дело его есть» (см.: Розанов В. В. Сахарна. М., 1998. С. 190).

Булгаков, конечно, не случайно обратился к разрушенному памятнику Александра III как символу уничтоженной Российской империи...

2 ...Патриарха Тихон-а-ана!.. – Патриарх Тихон (1865–1925) представлял огромную опасность для новой власти, ибо он пользовался большим авторитетом в народе и в эмиграции.

Большевицкое правительство, используя сложившуюся ситуацию в стране – прежде всего страшный голод в Поволжье и других районах, – решило изъять церковные ценности, а заодно разгромить Церковь как таковую. Об этой очередной трагедии России очень трудно сказать коротко, но основные цифры этой кампании таковы: только за 1922 г. было изъято церковных ценностей на сумму 8 000 000 000 000 рублей (в дензнаках того времени), но изъятия осуществлялись и в 1921-м, и в 1923-м гг. Общие суммы изъятых ценностей у Церкви были космическими, но большевики закупили муки в количестве всего лишь 3,2 млн пудов (требовалось 200 млн пудов). Так что судьба этой «космической» суммы туманна.

Москва краснокаменная. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru Патриарх Тихон сначала не противился изъятию ценностей у Церкви, и по его указанию в 1921 г. церковными служащими были собраны значительные суммы денег и церковной утвари и переданы государству для помощи голодающим. Но когда Патриарх увидел, что насильственно изымалось священное достояние Церкви за многие века, что изъятие превратилось в ограбление и что сокровища употребляются не по назначению, он издал послание о защите церковного достояния (28 февраля 1922 г.). С этого момента изъятия стали сопровождаться столкновениями (всего было зарегистрировано 1414 кровавых эксцесса). Только в 1922 г. «за сопротивление властям» было расстреляно 8000 духовных лиц и 17 000 мирян. На Патриарха Тихона было совершено несколько покушений, но каждый раз буквально чудо спасало его (см.: Степанов Вл. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1).

Следует отметить, что основной удар властей был направлен против Русской Православной церкви, ибо после Гражданской войны она становилась главным препятствием на пути установления в стране кровавой диктатуры. Что же касается, например, синагог, то главный богорец страны Е. М. Ярославский считал, что из-за отсутствия в них ценностей нужно ввести налоги на «арендаторов мест в синагоге», то есть на богатых верующих, которые на аукционе покупают места «в передних рядах, поближе к ковчегу, у восточной стены... и на право стоять на возвышении, когда читаются отрывки из Священного Писания...» (Правда. 1922. 28 марта).

Непосредственные гонения на Патриарха Тихона начались в апреле 1922 г., когда ему было объявлено, что против него возбуждено уголовное дело. С мая он был взят под строгий домашний арест. Только один раз в сутки Патриарху позволялось выйти на балкон. Почти год он находился под арестом и следствием (12 раз Патриарха подвергали унижительным допросам). В марте 1923 г. ему было предъявлено обвинение по семи статьям Уголовного кодекса. В мае его перевели в тюрьму ГПУ на Лубянке и держали здесь 30 дней. 23 июня 1923 г. он был освобожден (к делу б. Патриарха Тихона. М., 1923. С. 28, 40, 44). Освобождение Патриарха было вынужденным и условным, да и главная цель, поставленная большевиками, была достигнута: церковные ценности на астрономические суммы были изъяты, большинство духовных лиц было уничтожено, сама Церковь уже не могла в полной мере выполнять ту роль, которую она выполняла в прежние годы. Но и в том виде, в каком Церковь действовала в следующие годы, она оставалась чрезвычайно опасной для «аггелов», и они продолжали жесточайшее ее преследование до самой войны.

3 Помоги! Г-о-л-о-д... пред-ста-вишь себе – и день в глазах посереет. – Голод в начале 20-х гг. унес несколько миллионов жизней. Конечно, умирали от голода в основном «богоносцы Достоевские», которыми никто не интересовался по-настоящему. Булгаков, чудом оставшийся в живых в разгар голода, ясно представлял себе масштабы трагедии...

4 Бегут нувориши мимо стен, не оглядываются... – Ср. с «бегом» нуворишей и многих прочих из Киева, описанным Булгаковым в «Белой гвардии».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!